

ВЛИЯНИЕ БЕРЕМЕННОСТИ ПСИХОТЕРАПЕВТА НА АФФЕКТИВНУЮ ДИНАМИКУ В ДИАДЕ «МАТЬ-РЕБЕНОК»

(АНАЛИЗ ЕДИНИЧНОГО СЛУЧАЯ)²³

М.К.БАРДЫШЕВСКАЯ*

В статье рассматривается эволюция привязанности и эмоциональных состояний в диаде «мать-дочь» с аффективными нарушениями пограничного уровня. Аффективное напряжение, которое возникло в процессе психотерапевтической работы, будучи связанным с беременностью психотерапевта, оказалось значительным, но переносимым для обеих участниц диады. Продолжение психотерапии в таких условиях позволило проанализировать некоторые защитные реакции матери и достичь позитивных изменений в ее представлении о себе и о своем ребенке, а ребенку – пережить и символизировать новый опыт, используя его для развития отношений привязанности с матерью.

В исследовании, проведенном методом единичного случая, акцент был сделан на следующих аспектах аффективной динамики в диаде:

---

²³ Продолжение. Начало см. в МПЖ, 2007, № 4.

* **Бардышевская Марина Константиновна** – к.п.н, доцент кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ им. М.В.Ломоносова.

- положительная и отрицательная идентификация²⁴ с различными аспектами беременности психотерапевта у матери и у ребенка; соотношение защитного поведения (избегания) и прогрессивных изменений (способность представлять или анализировать психические состояния, которые раньше игнорировались или отрицались);
- особенности регрессивного поведения и психосоматического реагирования на беременность психотерапевта;
- особенности страхов (распада, смерти, падения, болезни, отвержения, брошенности) и депрессий (анаклитическая; депрессия в связи с потерей; депрессия, сопровождающая рождение/обособление Я);
- особенности агрессии, направленной на психотерапевта и ее вооб-ражаемого ребенка;
- изменения в аффективно-образном восприятии ребенком психоте-рапевта в связи с ее беременностью, прослеживаемые в игре, а также использовании игровой комнаты и предметов, в ней находящихся, как пространства, символизирующего внутреннее содержание психотера-певта;
- изменения ритуалов, стереотипов поведения диады в рамках пси-хотерапевтического занятия;
- эволюция основного конфликта (между принятием и отвержением у матери, между приближением и избеганием у ребенка): изменение поведения привязанности (типичных паттернов коммуникации между матерью и ребенком) и их символического представления;
- изменение эмоциональных связей с близкими людьми у матери и у ребенка, стимулированные беременностью психотерапевта (развитие имеющихся связей, возобновление прерванных или хрупких, появление новых эмоциональных связей).

---

²⁴ В данной статье под положительной идентификацией понимается, в узком смысле, восприятие отдельных аспектов беременности как положительных: стремление подражать, воспроизведение матерью положительного отношения к собственному ребенку (терпение, забота). В широком смысле положительная идентификация – большая открытость новому опыту, усиление творческого отношения к психотерапии. Отрицательная идентификация – восприятие отдельных аспектов беременности как отрицательных, неприятных: стремление защититься, воспроизведение модели «нежеланной беременности» в своем отношении к ребенку. В более широком смысле – стремление «абортировать» новый опыт.

Анализ единичного случая: Галя – Полина²⁵

***Предварительные диагностические сведения о диаде.
Особенности взаимодействия в диаде
до беременности психотерапевта.***

Возраст: мамы – около 30 лет, девочки – 3 года.

Беременность (по словам мамы): «безоблачная», желанная, без токсикоза, мама наслаждалась новым состоянием²⁶. Следует отметить, что обнаружившиеся у нее сразу после родов сильные импульсы детоубийства не согласуются с этим идеализированным представлением о беременности.

Роды: кесаревым сечением.

Послеродовой период: крайне тяжелый, как для матери, так и для дочери. Партнер матери бросил ее вскоре после рождения девочки. Он погиб в автокатастрофе, когда дочери было 2 месяца. Мать находилась в затяжной послеродовой депрессии. С самого рождения девочки она не могла кормить ее ни грудью, ни из бутылочки, оставляя малышку по утрам не кормленной до 12-13 часов, так как дочь, по словам мамы, была «слишком требовательной, капризной и избирательной». Галя «даже плакать ей не разрешала». Фактически она запрещала девочке выражать любые желания. Полина рано приспособилась к депривационным условиям, много спала, чтобы «не будить мать».

Эмоциональный статус матери: депрессия с истерическими чертами в рамках пограничного личностного расстройства. Послеродовая депрессия и реактивная депрессия в связи с разрывом отношений с партнером и его последующей гибелью наслаились друг на друга. Отношения с собственной матерью у Гали глубоко амбивалентные, зависимые, с продолжающимися до сих пор, но безуспешными попытками достижения личностной автономии. Галя рассказывает о физическом насилии, которому она подвергалась со стороны своей матери в детстве. В целом, она описывает свое детство как несчастливый период, к ней были жестоки не только в семье, но и в детском саду. Ей приходи-

---

²⁵ Имена изменены. В том, что мать предпочитает называть себя сокращенным именем, а дочь – полным, взрослым, отражается реверсия ролей, характерная для данной диады.

²⁶ Материал, связанный с беременностью, появился внезапно, совпав случайным образом с первыми днями беременности психотерапевта. До этого мать давала скудные разрозненные сведения о своей беременности и раннем периоде развития дочери, так как воспринимала это время как крайне болезненное для себя.

лось сдерживать себя в общении с детьми, не вступать с ними в дружеские отношения, она не позволяла себе радоваться вместе с ними, так как чувствовала, что ее матери это бы не понравилось.

Основной конфликт Гали в отношениях с дочерью вызван чрезвычайно амбивалентным отношением к ней. Галя воспринимает дочь то как своего эмоционального близнеца, обреченного повторить все ее детские переживания и потому вызывающего безмерную жалость, то как маленького монстра, который пытается ее опустошить. Последнее чувство сопровождается сильным страхом навредить ребенку (убить его) и последующей попыткой загладить свою вину подарками, красивой одеждой, организацией развивающих занятий и т.д. Собственная агрессия по отношению к дочери легко проецируется на окружающих людей (воспитатели в детском саду) и окружающую среду вообще.

Мама девочки проходила лечебный психоанализ в течение нескольких лет, который в настоящее время имеет характер консультаций по требованию. Результаты психоанализа мать обесценивает, называет «плачевными».

Эмоциональный статус дочери во многом дублирует эмоциональные проблемы матери. Данное сходство стало очевидным на исходе занятий перед их перерывом.

Когда девочка начала психотерапию, то есть задолго до моей беременности, маму волновали, прежде всего, аутистические черты и капризность Полины. По мнению мамы, эти проявления свидетельствовали об отвержении, нежелании дочери общаться с ней, обиде²⁷. Мать была озабочена отсутствием эмоционального отклика со стороны девочки в ответ на обращение к ней в нейтральной ситуации и гиперчувствительностью по отношению к определенным сигналам с ее стороны (закрытые глаза, молчание). Вызывал недоумение и длительный плач «без причины» дома или неожиданно чрезмерная требовательность на психотерапевтическом занятии. Мать, хотя и связывала на рациональном уровне эти проявления со своей неспособностью заботиться о девочке после ее рождения, все же на глубинном уровне проецировала на

---

²⁷Делая акцент на аутистических чертах своей дочери, мать неявно подчеркивала роль девочки в том, что ей приходится отвергать дочку. Существует мнение, что дети, подвергаемые жестокой депривации в семье, со временем вырабатывают комплекс личностных черт, которые делают их несимпатичными в общении, для того чтобы «оправдать» деструктивное материнское поведение (см. также: *Milowe & Lourie*, 1964, по: *Рейнгольд*, 2004, с.140).

нее свои деструктивные импульсы и считала, что дочь использует эти симптомы намеренно, чтобы досадить ей.

Очевидно, что длительная и жестокая пищевая и эмоциональная депривация могла спровоцировать формирование у девочки глубокого первичного страха перед матерью (страх погибнуть от голода, страх быть уничтоженной ею)²⁸.

Аутистические черты ребенка в сложившейся ситуации развития имели вторичный приспособительный характер: девочка не заявляла о своих желаниях и демонстрировала отсутствие требований к матери, чтобы случайно не вызвать ее гнев и не пострадать от ее агрессии. Эмоциональное отдаление от депрессивной матери играло охранительную роль и позволяло ребенку привязаться к няне, создавать другие замещающие контакты.

К аутистическим чертам относились недостаточность невербального и речевого общения (избегание глазного контакта или неполный глазной контакт с зажмуриванием и напряженной улыбкой, неестественные интонации, аутистическая речь, отсутствие реакции на обращение со стороны матери), а также слабый образ Я, стереотипная одиночная игра. Как аутистические черты, так и временами усиливавшиеся «капризы» позволяли матери справляться с собственным чувством вины, перекладывая часть ответственности за состояние Полины на саму девочку. По мере работы аутистическая симптоматика отошла на задний план, стала неустойчивой, на ее место вышли собственно аффективные расстройства и личностные особенности девочки.

Элементы «фальшивого» Я (*Winnicott, 1990*) были явным следствием эмоциональной депривации, отсутствия нормальной идентификации матери с потребностями дочери на ранних этапах ее развития. Полина проявляла чрезмерно раннюю самостоятельность в навыках самообслуживания: в одевании, кормлении. Однако «фальшивое Я» не было кристаллизировано, защиты не были глухими, оставалась надежда на построение более живого контакта с матерью. Так, оказывая сопротивление попыткам матери помочь ей одеваться, она выражала свой протест

---

²⁸ По-видимому, эмоциональная и пищевая депривация чаще и более тесно связаны друг с другом, чем это предполагается некоторыми психологами, в частности, автором теории привязанности Джоном Боулби. Данные литературы и моих многолетних наблюдений позволяют утверждать, что «странное» поведение младенца при кормлении (нежелание брать грудь, сосать из второй груди, постоянная рвота), а также нарушения лактации у матери (отсутствие молока, мастит) и эмоциональная непереносимость для нее ситуации кормления, даже если она кормит ребенка из бутылочки или кто-то другой заменяет ее в этом, чрезвычайно распространены у матерей с аффективными расстройствами.

в жалобном младенческом крике. Хотя мать игнорировала эту диссоциацию, Полина продолжала «сигнализировать» достаточно настойчиво, не только прося, но и требуя – особенно в последнее время – помощи матери.

Депрессивные переживания девочки также усложнились. В начале психотерапии она реагировала на разлуку, депрессивные состояния матери и ее эмоциональную недоступность приступами анаклитической депрессии, то есть затяжными психосоматическими болезнями, в некоторых случаях угрожающими ее жизни. Во время беременности психотерапевта стали более выраженными адекватные реакции горя, с плачем на разлуку, и последующая выраженная протестная реакция на возвращение матери. На попытки мамы привлечь ее к контакту Полина отвечала раздражительностью, непослушанием, непредсказуемостью в реакциях. Реже стали возникать эпизоды депрессивного, отстраненного состояния девочки в присутствии матери – «одиночество вдвоем». По мере прогрессирования беременности психотерапевта наблюдалось интенсивное развитие у девочки более зрелых способов регуляции страхов, связанных с матерью, и депрессии, вызванной отвержением, физической недоступностью и нечувствительностью к ее потребностям.

Привязанность в диаде. В начале работы привязанность между Галей и Полиной только начала формироваться. Со стороны матери преобладали элементы отвержения, на которые девочка реагировала защитным избеганием. Эмоциональные состояния дочери мать либо не понимала, либо глобально интерпретировала их как попытку Полины опустошить ее, и без того недостаточные, психические ресурсы, либо – как нелюбовь и враждебность со стороны девочки. В период, совпавший с беременностью психотерапевта, происходило стремительное усиление взаимной идентификации с эмоциональными состояниями, желаниями и защитным поведением другого члена диады. Этот процесс эмоционального сближения был довольно болезненным, сопровождался нарастанием конфликтов, связанных с разделением эмоционального опыта. Полина прошла путь от первичной зависимости от пугающей ее матери до настойчивого требования заботы с ее стороны. У Гали основная линия развития привязанности состояла в повышении терпимости к эмоциональным запросам дочери: если в начале наблюдалась тотальная их непереносимость, то в процессе терапии такая чрезмерная реакция стала избирательной – только по отношению к отдельным потребностям.

Образ психотерапевта для матери до беременности психотерапевта: поддерживающая фигура, помогающая восстановить связь между ней и дочерью. Галя нуждается в психотерапевте, чтобы хотя бы на время почувствовать себя «хорошей матерью».

Образ психотерапевта для дочери до беременности: фигура, которая облегчает или делает на время безопасным общение между ней и мамой, создает переходное пространство, связывающее их одновременно и физически, и психологически.

И для матери, и для дочери была характерна идеализация психотерапевтического пространства. Беременность психотерапевта способствовала развенчанию этой идеализации.

Порядок психотерапии: часовые занятия, которые представляют собой игровую психоаналитически ориентированную психотерапию с девочкой и матерью в сочетании с консультациями матери.

К особенностям поведения матери можно отнести стремление потакать своим потребностям во время занятия. Мать, как правило, лежит на диване. В первое время девочка реагировала сильным стрессом (кричала, рвала волосы на голове), когда видела лежащую мать: для нее это был образ недоступной, «мертвой» матери. В настоящее время, когда мать, сидя или лежа на диване, ест, пьет, девочка играет и ползает вокруг матери, иногда прижимается к ней, иногда тоже участвует в трапезе. Особенности дележа еды и питья между матерью и дочерью ярко отражают амбивалентный характер привязанности между ними. Иногда мать щедро делится с дочерью, иногда не позволяет ей сделать и глотка из своей чашки, объясняя, что Полина всегда отбирает у нее последнее. Два или три раза мать полностью расслаблялась и засыпала на 10-15 минут, перепоручая ответственность за все происходящее психотерапевту. Чаще избегание принимает активные формы: мама выходит за пределы комнаты (чтобы приготовить себе чай, покурить). Иного, более жесткого, режима консультаций мама не выдерживает, чувствует себя депривированной, отверженной. При возрастании требований со стороны психотерапевта мать реагирует прерыванием психотерапии, отъездом, поиском и организацией занятий с другими специалистами.

Основные линии изменения отношения девочки к психотерапевту

Здесь я рассмотрю изменение образа психотерапевта в символической активности Полины, развитие отношения к пространству игровой комнаты и игрушкам, изменения реакции на еженедельные разлуки.

После того, как я впервые заговорила о моей беременности на пятом месяце, Полина стала ласковой ко мне, забиралась на колени, называла мое имя несколько раз нежно, изменяя его на свой лад. Затем Полина взяла лягушонка и двух бегемотиков, разыгрывала диалоги между ними – возможно, вводя моего будущего ребенка в образе лягушонка (беге-

мотики же представляли саму девочку и ее маму) – в качестве еще одного участника наших занятий.

Через неделю отмечались импульсивные кратковременные вспышки агрессии, направленные на игрушечных детенышей.

На занятии через неделю девочка держалась более отчужденно, говорила сама с собой, ее игра стала более примитивной. У бабушки, куда ее отвезли после прошлого занятия, по словам мамы, Полина была «невменяемой». Мама объяснила это реакцией девочки на мою беременность. На занятии Полина закапывала однотипные фигурки маленьких животных в песок, «мыла» их в заварочном чайнике, вернувшись к игре, которая была фоновой еще до моей беременности. Однако появились и новые игровые действия с более ярко выраженным агрессивным содержанием. Девочка расставляла и сбивала с ног фигурки маленьких зверей, разбросала пуговицы из деревянной катулки. Ходила большей частью на вытянутых, напряженных ногах, по мнению Гали, нарочно, чтобы разозлить ее²⁹.

Следует отметить, что до моей беременности Полина четко разделяла меня и мать, то есть перенос не был акцентирован, возможно, из-за почти постоянного присутствия матери на занятиях. Полина редко символизировала мой образ с помощью игрушек, скорее, она воспринимала меня как функцию, хозяйку некоего утешительного пространства, в котором она и мать могли почувствовать себя близкими людьми и проявить любовь и нежность друг к другу, пусть и на очень короткое время. Если взаимного контакта с матерью не получалось, то девочка пыталась залезть в явно неудобное, не подходящее ей по размеру, занятое другими предметами (игрушками) место в игровой комнате. В чем был смысл такого поведения? Возможно, Полина показывала, какой маленькой и беззащитной она себя чувствует. Одновременно в настойчивости, с которой она пыталась залезть в явно тесное место, было проявление «маниакальности», магического мышления, всеильного игнорирования реальных препятствий, элемент утверждения себя.

Параллельно с изменением отношения к моему рабочему пространству участились выражения привязанности и заботы. Полина могла опереться, прижаться к моей руке, забраться на меня, чувствуя свое

---

²⁹ Интересно, что матери пограничных и психотичных детей по-разному реагируют на внешне сходные симптомы. Хождение на цыпочках мама аутичной девочки связывает исключительно с гипертонусом. Мамы психотичных детей, в целом, более биологически ориентированы, объясняя симптомы спазмами, гипертонусом. Мамы пограничных детей склонны, скорее, психологизировать соматические проблемы ребенка.

соседство с моим будущим малышом. Она стала делиться со мной, как хорошими эмоциями, так и лакомствами. Из «функции» я превратилась в живого человека. Нашлась и подходящая игрушка для изображения меня – фигурка доктора в белом халате на белой машине, которую, однако, Полина сразу же унесла домой и оставила у себя.

Во время моей беременности Полине стало сложнее уходить от меня. До беременности девочка сама объявляла о завершении занятия, довольно точно субъективно определяя окончание часа. Во время моей беременности девочка как будто потеряла это чувство времени, пыталась задержаться после занятия. Маме приходилось подробно описывать то пространство, куда они собираются поехать после занятия со мной, подчеркивая его привлекательность и безопасность.

Изменились способы поддержания связи с психотерапевтом во время еженедельной разлуки. До моей беременности Полина имела привычку брать у меня игрушки, которые становились временными переходными объектами, и возвращать их на следующем занятии. Девочка могла вернуть испорченную игрушку, специально брошенную в грязь (по словам мамы) перед тем, как отдать ее мне. Мама не пыталась постирать или почистить игрушку, считая, что для меня важен сам феномен как проявление сущности девочки, в частности, ее стремления портить хорошие предметы. В этот период Полина часто совершала набеги на мамины вещи дома. Нельзя также исключить и сильную идентификацию Гали с желанием дочери распоряжаться моими игрушками, как с собственными детскими переходными объектами, переходя от нежности к агрессии и наоборот.

Эта роль взятых у меня игрушек как переходных объектов стала очевидной во время моей беременности. Полина стала «незаметно» подменять игрушки, оставляя у себя дома более привлекательные и принося взамен старые, испорченные. С игрушками, с которыми на занятии Полина проигрывала свои страхи, произвольно усиливая или уменьшая их, она не расставалась всю следующую неделю, спала с ними, используя как своеобразные переходные объекты. Но, в отличие от классических переходных объектов, они обладали изначальной амбивалентностью, наличием пугающих признаков, поскольку помогали ей пережить не разлуку с матерью, а более архаичные страхи уничтожения, связанные с ней.

Видимо, для матери эти игрушки тоже играли роль переходных объектов, помогая ей разделять ответственность за эмоциональное состояние дочери.

В целом, в развитии отношений с матерью девочка постепенно переходила от преимущественного проигрывания эмоционально насы-

щенных диалогов, взаимных страхов и конфликтов с использованием игрушечных фигур и более архаических символов (связанных с пространством, водой, песком) – к реальным взаимодействиям, то есть от более безопасного, опосредованного способа контакта к более рискованному. В отношениях со мной – от архаических способов символизации к более наглядным игровым и реальным взаимодействиям.

Особенности защитных реакций матери на беременность психотерапевта

Как отмечалось выше, мать реагировала на мою беременность преимущественно защитными реакциями, в которые включала и Полину.

1. Отреагирование.

Известие о моей беременности мать восприняла как давно известный ей факт, о котором она не говорила со мной из-за деликатности.

Галя подчеркнула, что не только она, но и Полина почувствовала перемену во мне. Возможно, мать отрицала внезапность этой новости из-за ее болезненного характера, так как «озвучивание» факта беременности совпало с усилением конфликта «мать-дочь» в отношениях Гали, как со своей матерью, так и с ребенком.

Между тем, в отношениях с Полиной репертуар поведения привязанности Гали стал разнообразнее, насыщеннее, драматичнее, градус эмоционального взаимодействия выше. Практически весь этот новый репертуар демонстрировался психотерапевту с целью вызвать у нее ту же гамму противоречивых чувств, которые испытывали члены диады по отношению друг к другу.

2. Проекция матери собственной сильной аффективной реакции на беременность психотерапевта – на дочь. Следует отметить, что довольно трудно отделить спроецированные матерью чувства от чувств самой девочки. Поэтому я предпочитаю говорить о «разделенных» чувствах, которые девочке в силу ее детской непосредственности было легче реализовать в поведении. Показателем того, что мать разделяет эти реакции дочери, являлась ее повышенная чувствительность к ним, немедленный ответ, внимательное отслеживание моей реакции.

У матери усилилась чувствительность к проявлениям привязанности к психотерапевту со стороны Полины. Так, спустя две недели после известия о моей беременности Полина залезла ко мне на шею, ползала по мне. Мать, внимательно наблюдавшая за активностью девочки, заметила, что раньше ее дочка не проявляла ко мне такого стремления. В словах матери были элементы и ревности, и зависти, и удовлетворения.

Похоже, что своим поведением девочка выражала и свои чувства, и чувства своей матери, которые в данном эпизоде оказались общими.

В целом, в период моей беременности поведение привязанности Полины по отношению ко всем окружавшим ее женщинам (матери, бабушке, няне, психотерапевту) стало более неустойчивым, требовательным, активно протестующим. Мать испытывала смешанные чувства по этому поводу. С одной стороны, она сама страдала от агрессии дочери, с другой, восхищалась ее способностью открыто заявлять о своих желаниях, явно идентифицируясь со способностью девочки протестовать, оставаясь в контакте. Для самой матери был более характерен пассивный протест: избегание, уход, отказ, отрицание своей зависимости от других людей.

3. Проективная идентификация с незащищенностью дочери.

Восприятие психотерапевта как фигуры, отказывающей в поддержке в нужный момент, виноватой в усилении эмоционального неблагополучия дочери, чередовалось с признанием матерью доли своей ответственности в этом.

На последних занятиях мама несколько раз полусерьезно озвучивала свою версию моего ухода, будто я выгоняю Полину и ее, что говорило об идентификации инфантильной части ее личности с дочерью.

4. Смещенная агрессия матери как защитное поведение.

На последующих занятиях мама спокойно предлагала мне заняться уборкой раскиданных Полиной игрушек, так как «упражнения полезны для беременных женщин». Галя реагировала смехом на попытки Полины вести себя со мной агрессивно в этот период, идентифицируя себя со мной («Это же хорошо, что она Вас не боится?»). Она подчеркивала, что слишком эгоцентрична, чтобы интересоваться моим состоянием.

5. Изменения в сеттинге, по инициативе матери. Ближе к концу моей работы Галя стала пропускать занятия, в течение полутора месяцев посетив два курортных места. Вернувшись, мама просила меня увеличить частоту занятий с девочкой до трех раз в неделю в следующем месяце. Услышав о временном прекращении занятий вообще, мама выразила сильное удивление и неудовольствие, «забыв», что я предупредила ее об отпуске заранее.

Эти изменения отражали противоречивые чувства матери по отношению ко мне.

6. Идентификация меня с собой беременной.

Мою беременность мать воспринимала через призму опыта собственной беременности.

а) Моя беременность как период «недостаточных» ограничений. Галя выражала недовольство тем, что я, будучи беременной, позволяю себе больше, чем она позволяла себе в моем положении.

б) Идеализация опыта собственной беременности. Беременность для матери совпала с бурным романом, который, возможно, поглотил собственнo опыт вынашивания ребенка.

в) Проигрывание опыта депривации. На одно из последних занятий Галя принесла фрукты, которые потом оставила на кухне, не предупредив меня. Через пару дней с Полиной приходила няня, и я отдала фрукты ей. На последнем занятии Галя вспомнила про фрукты в первую же минуту и огорчилась-рассердилась, по-детски выпятив губу, обнаружив, что их нет.

Галя прореагировала так, как будто я намеренно лишила ее чего-то вкусного. Она оказалась в позиции ребенка или беременной, которых лишили гостинцев, а я – в позиции жестокой лишаящей матери.

7. Демонстрация целостности диады.

а) Усиление идентификации с дочерью (через одежду). Для мамы во время беременности психотерапевта стиль и цвет одежды, украшений и косметики стал своего рода языком для выражения своих эмоциональных состояний, которые постепенно поляризовались. Галя приходила то во всем черном, то во всем розовом, причем одежда и аксессуары были, скорее, вечерними. Мать одевала подобным образом и Полину, поменяв прежнюю манеру одевать ее как красивую куклу³⁰. Даже способы наказания стали более «взрослыми»: изъятие украшений, например.

Сходство внешнего стиля подчеркивало целостность диады, границу между ними и мной.

б) Стремление матери «перетащить» психотерапевтическое пространство за пределы игровой комнаты.

На занятиях участвовали кратковременные проявления взаимной нежности, заботы, разделенного комфортного состояния матери и дочери рядом друг с другом. Вместе с тем и мать, и дочь все чаще пытались

---

³⁰ По-видимому, и мама, и дочка специально и с удовольствием одевались для наших занятий. Я убедилась в этом, увидев их в домашних условиях. В связи с затяжной болезнью девочки (бронхит с высокой температурой на протяжении трех недель) зимой я посетила девочку дома. Вид у нее был очень бледный, болезненный, неопрятный, с сальными волосами, она таяла на глазах, в детской комнате стоял запах рвоты. Однако большую часть времени она была занята сбором очень красивой картинки (паззла) с пегасом и феей, которую из множества кусочков собирала и разбирала много раз подряд.

покинуть игровую комнату, особенно когда я уделяла внимание другому члену диады.

***Особенности взаимной регуляции эмоций в диаде.
Развитие чувства Я и эмоциональных состояний дочери,
рефлексии матери в связи с беременностью психотерапевта***

Взаимная регуляция эмоциональных состояний у Гали и Полины запускается восприятием желаний другого члена диады. Взаимодействия строятся с целью разжечь желания другого, подразнить, реже – утолить. Чаще всего происходит заражение желаниями друг друга, и тогда пара требует удовлетворения от третьей стороны (психотерапевта). Любой новый опыт, в том числе беременность психотерапевта, значим для диады настолько, насколько он затрагивает желания матери и девочки.

Для мамы собственные желания сверхценны, являются доказательством сохраняющегося у нее вкуса к жизни, победы над депрессией. Желания Полины что-то получить от матери, как правило, чрезмерны для Гали и воспринимаются ею как стремление дочери отнять у нее последнее. В то же время желания Полины что-то получить от других людей поощряются матерью, облегчая идентификацию с ребенком.

В условиях аффективной доминанты желаний матери развитие чувства Я у Полины происходило своеобразно. Девочка начала устойчиво использовать личное местоимение «Я» в речи с небольшим опозданием, по сравнению с возрастной нормой. «Я» появилось на фоне экспансии, агрессии, борьбы с матерью и было связано с идентификацией с желаниями матери и настаивании на их выполнении, особенно в том случае, если мать устанавливала неожиданный запрет («дразнила» дочь). Другим источником собственных желаний Полины, который обнаружился в период моей беременности, была вдруг «проснувшаяся» чувствительность к ярким контрастным объектам (что является особенностью восприятия младенцев). Полина стала громко и требовательно оповещать мать о привлекательных внешних стимулах. По дороге ко мне она кричала: «Елка! Елка! Елка!» или «Светофор! Светофор! Светофор!», пока не добивалась ответной реакции матери, несмотря на ее раздражение.

Важным опытом в развитии чувства «мы» у девочки является восприятие красоты матери и – отраженно – своей собственной. Играя с куклами, Полина повторяет: «Мы – самые красивые!». На последних занятиях перед перерывом девочка обращала мое внимание на свое красивое платье, туфли, не позволяла снимать с нее обувь, считая, что тогда она лишится важной части своей красоты.

На развитие чувства «Я» Полины влияет поощрение матери способности дочки «выгрызать» то, что ей нужно. Галя считает эту способность очень важной для взрослой жизни.

И у матери, и у дочери усилилась драматизация собственных отношений и скорость проигрывания конфликтов. Занятия, в целом, стали более психодраматичными. Объектом дележа и активного соперничества все чаще становилось мое внимание.

Мать пошла дальше простой фиксации желаний дочери, начав анализировать ее переживания, не связанные непосредственно с удовлетворением или неудовлетворением желаний. Жалобы матери из фрагментарных, не связанных между собой, конкретных стали более объемными и рефлексивными. Если раньше они звучали так: «Полина писается, потому что она не хочет вставать с теплой постели», «Она ходит на цыпочках, потому что знает, как сильно это раздражает меня». Позже Галя начала скорее не жаловаться, а анализировать и соотносить переживания Полины со своим собственным опытом: «Меня расстраивает то, что Полина не общается с детьми, так как боится, что я не хочу этого. Так же было в моем детстве со мной». Такой анализ, уточнение у психотерапевта сходств и различий способствовали переходу от глобальной проекции своих ощущений на переживания дочери к более адекватной «картинке» взаимодействия.

В поведении девочки изменился профиль симптомов эмоционального неблагополучия. Аутистическая симптоматика стала незначительной, а на первый план вышли сначала депрессия, а затем аффективные колебания, выражающиеся в быстром чередовании депрессивных эпизодов с гипоманиакальными. Аутистическая симптоматика (которую мама выражала в виде следующих жалоб: «не слышит», «не реагирует», «повторяет многократно одно слово», «говорит на непонятном языке»), использовалась Полиной на начальном этапе психотерапии как намеренное отстранение. Это был способ защиты от проекций матери и маневр, позволяющий поддерживать безопасную дистанцию во взаимодействии с ней, если по каким-то причинам оно было потенциально угрожающим.

Во время моей беременности аутистические симптомы, связанные с недостаточностью образа Я и слабым речевым самовыражением (аутистическая речь, эхололии, использование третьего лица) постепенно исчезли. Если Полина не хотела разговаривать со мной или слушать мои интерпретации, она требовала криком, чтобы я замолчала. Полина стала четче отвечать на вопросы матери, не боясь ее обидеть. На вопрос мамы о том, кто Полину не любит в детском саду (Галя была склонна

искать источники плохого настроения дочери среди посторонних людей) девочка называла саму маму.

Депрессивные реакции Полины, проявляемые в течение занятия, возникали в ответ на запрет матери подражать ей, заражаться ее желаниями или на нарушение сложившихся стереотипов взаимодействия между ними, на эмоциональную недоступность матери, а также на запрет с ее стороны стремления проявить себя как взрослую, самостоятельную девочку. Депрессия для Полины была связана с младенческим чувством беспомощности, которого она пыталась всячески избежать, поэтому, в целом, ее депрессивные реакции были кратковременными. В состоянии депрессии Полина искала тактильного контакта с матерью или со мной, могла использовать большую мягкую игрушку как переходный объект.

Гипоманиакальное состояние девочки было оптимальным для утверждения своих желаний и через них – себя, своего Я. В этом состоянии девочка не боялась быть оставленной матерью, лишенной еды. В эти моменты Полина совершала набеги на собственность матери (импульсивным движением допивала ее чай), разрушала постройки и не пыталась их восстанавливать.

Из всех состояний дочери мать охотнее всего поощряла именно такое – гипоманиакальное, буйное, напористое состояние девочки, от которого, похоже, сама сильнее всего тонизировалась – в присутствии психотерапевта, и сильнее всего страдала, оставаясь вдвоем с дочерью без поддержки. Видимо, Галя на время освобождалась от страха быть поглощенной чрезмерными для себя желаниями дочери, когда они демонстрировались психотерапевту.

Поиск третьего, поддерживающего человека также объединял мать и дочь. Интересно, что в период беременности психотерапевта девочка стала вспоминать про папу чаще, чем сама мать, а на улице в буквальном смысле искала «дядю», обращаясь к незнакомым мужчинам и требуя, чтобы они поиграли с ней.

Важно, что идентификация с желаниями матери у девочки, ее способность выразить эти желания в ясной, даже утрированной форме, и удовольствие матери от такого единения были сильнее взаимных страхов и агрессивных импульсов, что позволяло девочке достаточно удовлетворительно развиваться.

Развитие игры Полины с матерью и с психотерапевтом

В этом разделе я подробно рассматриваю игру Полины, которая заметно изменилась на фоне развития моей беременности. Последовательность изложения разных видов игры отражает порядок их появле-

ния в материале занятий, а также последовательность развития способов регуляции разных эмоциональных состояний у девочки. Сначала Полина выбрала безопасную территорию и нашла в игре символы для показа своего места на этой территории; затем играла с переходами между живым и неживым, целым и разрушенным, овладевая способами регуляции аутистического и депрессивных состояний. На этой основе она смогла восстановить «упущенные» в младенчестве формы хорошего эмоционального контакта с матерью. После этого Полина стала способной проигрывать конфликты в отношениях с матерью, прежде всего, между страхом, который она испытывала по отношению к ней, и потребностью искать у нее защиты.

До известия о моей беременности Галя высказывалась по поводу игры Полины, чаще всего, когда игровое действие девочки иллюстрировало эмоциональное состояние самой матери. Например, когда девочка окунула малыша в воду, мама заметила: «Утопила». Психотерапевту отводилась функция фиксации того, что мать и дочь утверждают себя, хотят чего-то, пусть эти желания носят и деструктивный характер, либо роль реаниматора, если обнаруживалось, что диада застыла.

На фоне моей беременности игровая комната стала восприниматься матерью, прежде всего, как сцена для триумфа желаний диады, выражаемых прямо и транслируемых через игру Полины, – иногда симбиотически разделенных, спутанных, иногда драматически разъединенных, противоположных.

Развитие игры, связанной с поиском места для себя, дифференциацией «живое – неживое», образами беременности

Как указывалось выше, на протяжении всего процесса психотерапии девочка была озабочена поиском пространства для себя, который и был первоначальным источником развития ее игры.

Полина чувствовала себя спокойней в закрытом или полузакрытом или хотя бы как-то внешне ограниченном пространстве при условии, если рядом была какая-то «питательная» или живая среда. Так, если Полина сидела в коробке, то наполненной мягкими игрушками, если – под столом на кухне, то с печеньем. На плоских открытых поверхностях, даже когда девочка пыталась пристроиться к сидящей на диване маме, она чувствовала себя неуютно, находилась там всего несколько секунд, затем напрягалась, ерзала и вывертывалась, выскальзывала из мамных объятий. (Исключение составляли ситуации, когда Полина и Галя делили что-либо или когда у девочки был предлог искать укрытия у матери, например, от опасных игрушек). Такое предпочтение защищенных мест можно объяснить стремлением девочки вернуться в мате-

ринскую утробу, что позволяло Полине на время спрятаться, избежать непредсказуемой эмоциональной стимуляции со стороны матери.

В символическом плане этот поиск безопасного места для себя выражался в игре с наполненными маленькими контейнерами (шкатулками, песочницами). Эта игра также оставалась центральной на протяжении всего периода психотерапии. Поначалу девочка прятала, хоронила игрушки в песке, в чайнике с водой, в коробочке, в шкатулке с мелкими предметами. По мере развития моей беременности песок в песочнице, в котором девочка прятала маленькие фигурки зверей, приобретал новые, хорошие качества. Песок мог трансформироваться в воду, еду, «теплый дом».

Пустые контейнеры не представляли для девочки интереса или, возможно, даже таили для нее некоторую опасность. Только незадолго до ухода психотерапевта в отпуск, связанный с предстоящими родами, девочка осмелилась залезть в пустой контейнер, который полностью заполнила своим телом, вероятно, изображая моего почти созревшего для внеутробной жизни ребенка.

К игре с контейнерами мама почти никогда не присоединялась, воспринимая ее как связанную с депрессивной тематикой (смертью, захоронениями), но наблюдала за ней внимательно. Между тем, эта игра, основанная на чередовании захоронений и появлений на свет, могла иллюстрировать интерес девочки к чередованию состояний бытия – небытия, исчезновения и возвращения. Учитывая затяжные депрессивные состояния матери, речь идет не о физическом появлении и уходе, а о чередовании психических состояний – живого и неживого.

Кроме того, в этой игре Полина могла проигрывать свое представление о том, как появляются дети. «Имплантации» детенышей поначалу были массовыми, однако к концу моей беременности девочка стала зарывать в банке с песком только одну фигурку, например, лягушонка, которого отождествляла то с собой, то с моим будущим малышом.

Иногда игра с маленькими фигурками и игра с контейнерами становились двумя самостоятельными играми: Полина расставляла рядами фигурки на ковре на полу и оставляла их там, шла к песочнице, где пересыпала песок с помощью игрушечной мельницы. Затем опять совмещала оба игровых пространства. Хотя внешне эти две игры напоминали аутистические (раскладывание в ряды, пересыпание), в данном контексте они могли быть рассмотрены как проигрывание состояний до беременности и после нее.

Еще одним вариантом такой игры, поддерживаемой мамой, была игра в строительство замка, в который выстраивалась очередь из малень-

ких кукол. В дальнейшем куклки заполняли замок и покидали его, когда он становился слишком тесным для них.

Примером безопасного образа беременности³¹ и, вообще, прообраза защищающих, предоставляющих ребенку особое пространство, но не поглощающих отношений «мать-дочь» (и, возможно, отношений «психотерапевт-дочь», «психотерапевт-мать»), может служить упоминавшаяся выше игра с матрешкой или другими куклами, вход во внутреннее пространство которых расположен снизу или на уровне живота, но не на уровне рта.

Возможно, девочка пыталась представить соотношение всех участников психотерапии и их внутренних пространств: она внутри меня, она внутри матери, мать внутри меня, мой малыш как переходный объект внутри меня.

Развитие игры по овладению аутистическими и депрессивными состояниями

До моей беременности Полина часто раскладывала абстрактные однотипные объекты (например, фломастеры) в ряды, чему соответствовало «спящее», пассивное состояние матери. Мама не присоединялась к этой игре и не комментировала ее, возможно, потому что игра была стереотипной и вялой. Это был фон, на котором внезапно – и все сильнее по мере развития моей беременности – обнаруживались желания матери и дочери. Как было сказано выше, Полина постепенно стала проявлять себя как более активную и настойчивую личность, чем мать, начав со скромной роли проводницы желаний матери. В свою очередь, Галя стала более активной в игровом взаимодействии с Полиной, легко заражаясь более или менее заметным проявлением аффекта с ее стороны, при этом обходясь без назойливого вмешательства в игру девочки.

В первом триместре моей беременности постепенно стало появляться и увеличиваться третье измерение в конструкциях Полины, которого прежде девочка избегала из-за страха падения и неустойчивости вертикально стоящих элементов. Строительство происходило на особой безопасной территории (также своего рода переходном пространстве между тремя участниками психотерапии), в углу комнаты. Полина

---

³¹ Даже в наиболее благоприятном варианте девочка предпочитала использовать игрушки, сделанные из жестких материалов (дерева, пластмассы, глины) со свободным внутренним пространством. Мягкие игрушки использовались девочкой не для изображения беременности, вынашивания, укрытия, а для изображения физической связи между матерью и детьми (состояния прикрепленности, зависимости, подвешенности). Например, меховая кошка с ножками-помпонами на веревочках воспринималась как мама (голова) и ее дети (ножки).

строила железную дорогу, поезд, скотный двор, замок и разрушала их. Поначалу агрессивные действия Полины вызывали у матери несколько преувеличенный восторг, который она выражала криками «ура!». Первые попытки Полины восстановить разрушенное, сопровождавшиеся плачем с причитаниями по типу «выученной беспомощности»: «Не получается! У меня никогда не получится!», пугали мать и вызывали у нее сходное состояние растерянности и неуверенности. Наконец, девочка стала более уверенной, превратила это восстановление в форму игры. Мать также стала радоваться желанию дочери «починить» разломанное. При этом Галя комментировала: «Полина так захотела. Полина захотела разрушить, а затем захотела собрать».

Для показа своего эмоционального состояния девочка использовала кошачьи мордочки, с разными эмоциональными выражениями, и соответствующие ситуации, изображенные на иллюстрациях в детской книжке про кошку, либо просила нарисовать кошку в разных состояниях.

Другое направление развития игры в этот период – фантазирование с использованием нейтрального исходного материала. Так, к концу беременности психотерапевта Полина собирала из фломастеров фигуры на плоскости (например, человечка). Она также стала охотно комбинировать известные ей мелодии и слова детских песен, сопровождая этим пением свою игру. Этот легкий, не связанный с депрессией, игровой материал вызывал у матери удивление, так как прерывал привычную для нее динамику проекций своих негативных состояний на дочь. В совместном варианте эта свободная творческая игра напоминала «заколючки» Д.Винникотта, однако вместо «почеркушек», графических следов использовались фрагменты мелодий или строительные элементы.

Таким образом, эволюция репаративной³² игры у девочки отражает изменение баланса ее эмоциональных состояний в сторону большей активности, экспансии. «Мягкая» фигура психотерапевта (какой я воспринималась до беременности) и обретение временного «утешительного» пространства, для такой депрессивной диады, как Галя-Полина, были недостаточны, чтобы привести к трансформации стереотипной аутистической игры у девочки и стимулировать активную материнскую заботу у Гали.

Изменения облика психотерапевта, связанные с беременностью, обнаружение моей женской (в противовес профессиональной) сути, ощутили девочку и диаду в целом к более полному и длительному переживанию собственных желаний и постепенному отделению желаний друг друга. Для матери наблюдение за развитием игры Полины, которая

---

³² Репаративная игра – игра по восстановлению разрушенного.

шла от исправления последствий агрессии к свободному творческому фантазированию, не связанному с депрессией или разрушением, оказывало лечебное действие.

Игра и восстановление элементарных форм позитивного эмоционального контакта

Элементарные коммуникативные игры, в которых происходило восстановление своевременно не возникших форм позитивного эмоционального контакта между матерью и дочерью, появились только после овладения Полиной в игре способами регуляции аутистических или депрессивных состояний. На фоне моей беременности развивались игры с позитивной невербальной коммуникацией между матерью и ребенком.

Мать иногда очень мягко и даже изящно приглашала девочку к участию в очень простой невербальной игре. Например, Галя и Полина обменивались лепетными звуками («ба-бо-бу»), слегка меняя последовательность и состав звуков, и, строя смешные рожицы, перекликались с выражением полной поглощенности друг другом. Поначалу этот обмен был довольно хрупким, осторожным, происходил с расстояния полутора метров: и мать, и дочь смотрели друг на друга с удивлением, как будто сомневаясь, что высказывание будет подхвачено и развито другим членом диады. Я оказывалась в позиции свидетеля интимных моментов взаимодействия между Полиной и Галей и «замирала», чтобы не нарушить эту интимность. Затем взаимодействие стало более напористым, уверенным, громким, с «отработанным» глазным контактом, с взаимным удовольствием от предсказуемости взаимодействия.

Другой формой мягкой коммуникации, основанной на тактильном контакте, без элементов соперничества и захвата, без желания дразнить друг друга, была игра, в которой Галя и Полина поочередно закапывали ладони друг друга в песок и затем нежными поглаживающими движениями расчищали песок.

Игры с драматизацией конфликта «мать-дочь» (конфликт между страхом перед матерью и поиском спасения у нее)

Начиная со второго триместра беременности психотерапевта, Полина значительно расширила круг используемых игрушек, включив туда, помимо обычно предпочитаемых ею маленьких фигурок зверей и красивых кукол, игрушки с устрашающими признаками (паук, динозавры, скелеты). Если с красивыми игрушками девочка играла самостоятельно, то страшные приносила мне, пытаясь представить их опасные признаки как привлекательные. Например, Полина, показывая мне острые зубы

игрушечных динозавров, говорила: «Дракончики смеются!». Первые агрессивные сценки, которые разыгрывала Полина, состояли из одного игрового действия и происходили непосредственно между «страшными» персонажами (например, змея укусила дракона). Когда я показывала ответное действие (дракон наступил на змею), девочка точно воспроизводила его, затем прятала змею в песок (хоронила) и возвращала обратно в игровое пространство (оживляла).

Игра со страшными игрушками имела прямое отношение к страху, который Полина испытывала по отношению к матери. Образ жестких, опасных отношений «мать-дочь» Полина разыгрывала сначала с помощью игрушек, изображающих хищников: большая рыба-акула держит во рту маленькую рыбку. При этом Полине самой не понятно, то ли маленькая рыбка там прячется, то ли мама-рыба хочет ее съесть. Разыгрывая это взаимодействие, девочка молчала, отказывалась отвечать на вопросы, выглядела озадаченной. В этот период Полина прямо высказывала матери свой страх, что та хочет ее убить.

Эти символические взаимодействия подготавливали совместную игру с матерью с использованием тех же персонажей. В игре с матерью Полина сначала пыталась стимулировать материнское поведение Гали, то есть заботу о себе и защиту. Галя же никогда не брала на себя роль защитника дочери, отрицая самую возможность столкновения с потенциально опасным персонажем.

Наиболее сложной разделенной игрой между девочкой и матерью была психодрама, то есть проигрывание реальных проблемных ситуаций, с использованием игрушек или без них. Инициатором такой игры была Галя, которая сначала просила Полину словесно объяснить какое-то поведение, которое беспокоило мать («Почему ты писаешься?», «Почему ты не засыпаешь?»). Я помогала девочке проиграть соответствующую ситуацию самой или с помощью игрушечных фигур. Мама органично подключалась к игре. Девочка проигрывала ситуации, о которых говорила мать. Например, устраивала себе кровать на полу игровой комнаты, тушила свет, ложилась спать и показывала, как она не засыпает, улыбаясь и глядя мне в глаза, что напоминало трудности с засыпанием у младенцев, – так называемую «веселую бессонницу», когда ребенок лежит в кровати с открытыми глазами, «веселится», бодрствует.

К концу моей беременности у Полины обострилось чувство тревоги. Она опять много времени стала посвящать поиску места для себя. Количество переходных объектов резко увеличилось: фактически каждое

занятие Полина создавала новый переходный объект, не утрачивая интереса к предыдущему. Реальные конфликты между матерью и дочерью несколько оттеснили игру и фантазии на задний план.

***Динамика основного конфликта
между матерью и дочерью***

Во время последних занятий динамика конфликта между отвержением (избеганием) и поиском близости между дочерью и матерью, а также между ними обеими и мной отличалась наибольшей интенсивностью.

У Галя само отвержение дочери «расщепилось» и стало неустойчивым. Она то отвергала ее агрессивные проявления и становилась более лояльной к ее желаниям и запросам, то с трудом выносила требования дочери и поощряла в ней агрессию, идеализируя ее как признак упорства, выносливости, активности. Усиление депрессивной симптоматики у матери и дочери было наиболее устойчивой линией аффективного реагирования на завершение занятий, однако признаки депрессии в поведении дочери были для матери поначалу непереносимыми и отрицались. Вместе с тем, она приписывала дочери чувство беспомощности в детском коллективе, которое интерпретировала как результат полной поглощенности отношениями с ней самой. В самом конце занятий мама нашла замещающую фигуру (почти виртуальную), попытавшись восстановить отношения с мужчиной, с которым не общалась полгода. В то же время Галя отказалась от поддержки традиционных фигур – собственного психоаналитика и матери, что на фоне прекращения занятий со мной привело к конденсации чувства одиночества, которое мать четко осознает.

Дочь, по-видимому, была в большем контакте со своими чувствами, чем мать, продолжая, несмотря на периодически усиливающийся депрессивный фон, искать адекватные образы-символы для своих переживаний, однако по мере приближения к последнему занятию это становилось для нее все более трудным. Символическая активность становилась конкретнее и беднее, а на какие-то мгновения игра девочки полностью утрачивала свой символический характер. Например, Полина вместо «зарывания» в песок мелких однотипных фигурок животных пыталась зарыть себя. Кроме того, она все чаще пыталась выйти за пределы игровой комнаты и спрятаться, «зацепиться» в укромном уголке, протестуя и сердясь при этом против моей реакции на такое поведение как на игру в прятки.

Последние занятия

Описанные выше особенности реагирования матери и дочери на мою беременность проиллюстрированы ниже на материале двух занятий, предшествующих перерыву в психотерапии. Следует обратить внимание на контраст эмоционального фона этих двух занятий.

19 мая 2007г.

Галя после совместной с Полиной двухнедельной поездки на отдых приходит вся в черном, несмотря на жару. Выглядит раздраженной, расстроенной, избегает встречаться со мной взглядом. Она «забрасывает» девочку в игровую комнату со словами: «Я больше не могу ее видеть, работайте!». Затем уходит делать себе чай, курит, говорит по телефону в соседнем помещении. Когда Галя вернулась и заняла свое привычное место на диване, Полина немедленно исчезла. Галя зовет ее и угрожает немедленным уходом, если девочка не вернется. Одновременно она жалуется мне на чрезмерные требования Полины, которые невозможно удовлетворить, и постоянные нарушения запретов. Галя говорит, что на отдыхе девочка вымотала ее физически; несмотря на запреты, выбегала на балкон и совершала другие потенциально опасные действия, заставляя мать волноваться. «Она не дала мне ни минуты покоя. Летом поеду отдыхать без нее».

Во время этого занятия я сосредоточилась на анализе эмоционального состояния Полины, которое сочла депрессивным. Мама выразила удивление, что резкие колебания настроения, агрессия в ответ на запрет, постоянные протесты и капризы могут быть оценены как способы выражения депрессии. Я отметила про себя, что Галя игнорирует эту часть эмоциональных проявлений дочери, в то время как к собственной депрессии относится сверхценно.

Полина периодически возвращается в комнату, пытается играть одна, затем стремится выйти из комнаты, мама запрещает, девочка плачет, падает на пол, кричит, мама какое-то время с ней борется, затем обращается ко мне с жалобами. Полина тем временем выбегает из комнаты и прячется под столом на кухне. Этот цикл повторяется несколько раз.

Я обращаю внимание Гали на следующие признаки депрессии у девочки (и она оказалась готовой их воспринять³³):

---

³³ В самом начале беременности, которое совпало с возобновлением занятий с Полиной, на вопрос мамы, как я оцениваю состояние девочки, я пробовала говорить о депрессии, считая ее первичной по отношению к некоторым аутистическим чертам. Но моя оценка была проигнорирована.

1) Полина вернулась к разделению всех эмоциональных состояний игрушки (кошечки), с которой идентифицирует себя на протяжении длительного времени, только на две категории: «плачет – не плачет». Девочка не может найти кошечку, которая улыбается, реагирует на потерю с выражением растерянности.

2) Полина не может развернуть сюжетную игру, не пытается привлечь к участию в ней меня или маму. Возможно, в данный момент девочка слишком занята реальными отношениями, проживает их и не в состоянии их изображать. В присутствии матери игры нет. Игра лишь в те минуты, когда мама уходит, причем очень простая: Полина играет с песком, изображая из него волны, зарывает в него плоскую деревянную фигурку свинки. Девочка пересыпает песок с помощью мельницы. Полина ходит с куклой, похожей на нее саму. Оглядев полки с игрушками, Полина выделяет страшные игрушки, говорит, ни к кому не обращаясь: «Скелеты кусаются». Испугавшись, прибегает и прижимается к маме со слезами, затихает на полминуты, лежа рядом с ней с поджатыми ногами, выглядит растерянной и несчастной, не пытается обыграть взаимодействие, развить сюжет, как делала это прежде.

3) Требуя того, что запрещает мама, девочка ищет повода, чтобы расплакаться, плачет громко, отчаянно. Мама же со своей стороны проявляет несвойственную ей прежде твердость в запретах (не разрешает взять ни одного печенья, не разрешает выходить из комнаты и не идет за Полиной, когда та прячется под столом на кухне). Возможно, такая твердость мамы связана с моим твердым решением завершить работу в мае, а не работать «до последнего». Галя обращает мое внимание на ухудшение состояния девочки и просит не только не прерывать занятий, но увеличить их частоту до трех раз в неделю, на что я отвечаю отказом.

4) Полина прогоняет меня из кухни, когда я иду звать ее; может быть, она ждет маму, но, по словам мамы, может прогнать и ее. Это поведение, о котором я говорила выше как о смещении игры с уровня символизации на уровень конкретного поведения (спрятаться, «защипаться») может быть понято и как драматизация, разыгрывание конфликта между пассивным избеганием и активным отвержением контакта (аутистической/депрессивной и агрессивной реакциями).

Было впечатление, что Полина, прежде всего, реагирует на потерю/обрыв контакта с мамой, а мама – на потерю контакта со мной.

Они уходят на пять минут раньше, чем обычно, так как мама «не в силах выносить капризы Полины». На следующем занятии Галя призналась, что была слишком рассержена на меня, чтобы оставаться дольше, перенесла на меня ответственность за свое решение уйти

раньше времени («Марина Константиновна нас выгнала», – объяснила она Полине.). Мама осознает это свое защитное действие, сама рассказывает мне о нем, объясняя, что другого варианта у нее не было, чтобы восстановить свои отношения с Полиной после внезапного ухода от меня.

26 мая 2007г.

Мама приходит в розовом сарафане, с алым обручем в красиво убранных волосах. Первое, о чем она сообщила, – что практически всю неделю не видела дочь: «Спасала Полину от своей злости». Отдохнув от Полины, она проявляет сегодня больше терпения и разговаривает с девочкой ласково. Наказания за упрямство и требования Полины сегодня более мягкие: «Сниму один браслет, если будешь продолжать просить апельсин, сниму и второй».

Полина не снимает туфель, когда входит в комнату, так как, по мнению мамы, считает, что они делают ее красивыми. Несколько раз в течение занятия Полина говорит мне, что мама купит ей сережки с зелеными камешками, повторяет несколько раз, как заклинание.

Плач Полины сегодня менее отчаянный и громкий, чем на предыдущем занятии, без слез, скорее девочка ритмично хнычет, а не плачет.

Мать жалуется на агрессию девочки. Полина бьет всех, от кого получает отказ: маму, няню, детей в детском саду. В то же время Галя говорит: «Я восхищаюсь Полиной. То, что ей надо, она выгрызет зубами!». Я обращаю внимание мамы на то, что она, похоже, не против, чтобы Полина была злой. Галя смотрит на меня с легким недоумением.

Девочка часто хочет выбежать из комнаты «за сухариком». Сегодня она не прячется на кухне, как в прошлый раз. Мама реагирует спокойно на выходы дочери из игровой комнаты. С радостью сообщает мне о восстановлении отношений с любимым мужчиной, за которого хотела бы выйти замуж.

Полина играет понемногу, но творчески: выкладывает из фломастеров фигуру человечка, что радует маму. Галя говорит, что на море была приятно удивлена недавно развившимся воображением Полины: девочка, рассматривая камушки на берегу, видела в них разные фигуры (домик и пр.).

Полина играет с мамой – приносит по ее просьбе парных животных. Мама выражает надежду, что скоро их будет не двое, а трое (появится мужчина). Она сидит рядом с Полиной, но не обращается активно к дочери, не привлекает ее к игре, рассказывая мне о своих переживаниях по поводу партнера. Девочка слушает, повернувшись к нам спиной, и пересыпает песок или зарывает в нем маленькие игрушки, изображающие куколок или зверей.

Я высказываю предположение, что решение мамы возобновить общение со своим партнером связано с прерыванием отношений с другими поддерживающими фигурами. Галя соглашается, но продолжает тему, переключившись на анализ ухудшения в состоянии дочери. Она связывает это с разлуками: с массажистом девочки, с нею самой, когда она уехала отдыхать без Полины; со мной. То, что предстоящая разлука со мной могла повлиять на состояние Полины, Галя признала в ответ на мой комментарий, что, похоже, мой уход в отпуск ее тоже не радует. Игра Полины в этот момент становится более конкретной. Она «купает» (пачкает на самом деле) в песке большую черно-белую мягкую собаку (представлявшую поочередно то мать, то меня на предыдущих занятиях), на мой запрет реагирует спокойно, берет зеленого надувного лягушонка, зарывает в песке, а потом пытается его сдуть, открыв клапаны, но неудачно. Делая лягушонка двухмерным, представляющим ее саму и моего будущего малыша, Полина одновременно показывает свои чувства по поводу прерывания занятий и переключения моего внимания на младенца. Я говорю об этом девочке.

Жалобы мамы в ходе занятия трансформируются. Ближе к его окончанию Галя переводит фокус своего внимания с агрессии дочери на ее регрессивные черты. Ее расстраивает, что Полина очень маленькая, что она общается с детьми неумело, на уровне двух лет, хотя ей скоро исполнится четыре года. Мама жалуется и на свои трудности в общении: несмотря на наличие подруг, у нее не хватает энергии, чтобы подпитывать дружбу. Свой дефицит общения со сверстниками, существовавший еще в детстве, Галя объясняет сильной фиксацией на отношениях с собственной матерью. Она боится, не повторяет ли Полина ее путь.

В целом, несмотря на сходство основных линий аффективного реагирования на беременность психотерапевта у матери и у дочери (агрессия, депрессия, избегание – аутизация, регрессия), у матери, все же, больше примитивных защитных реакций. У дочери преобладает поиск адекватных новым чувствам способов коммуникации и аффективных образов, однако без поддержки матери символическая активность остается хрупкой. Тем не менее, для обоих членов диады период моей беременности был временем более активного поиска эмоциональной близости и моментов отчаяния от ее непереносимости, временем более стремительного и интенсивного реагирования друг на друга, разрушения прежних стереотипов взаимного восприятия и общения со мной. Этот период можно рассматривать как шанс для более открытых отношений с меньшей долей защитных реакций. Мать стала способной более полно воспринимать спектр эмоционального реагирования дочери и

тоньше анализировать ее эмоциональные проявления, постепенно отделяя их от своих собственных.

Таким образом, в этой части статьи проанализированы возникшие в связи с беременностью психотерапевта изменения эмоциональных состояний, поведения привязанности, личностной идентификации в диаде «мать-дочь» с аффективными расстройствами. Обозначим основные вехи этих перемен в их последовательности.

1. Сильные аффективные реакции, находящие выражение в усилении состояний эмоциональной и пищевой «нужды», в настойчивом выражении собственных желаний, повышении запросов к психотерапевту, усложнении состояний депрессии в ответ на предстоящую разлуку и восприятие своего отделенного от матери Я, в протестных состояниях в виде агрессии и квазиагрессии. Все это можно связать с идентификацией, как матери, так и дочери, с будущим ребенком психотерапевта.

2. Восприятие матерью беременности психотерапевта как угрозы, отвержения; использование этого образа «отвергающей матери» для проекции собственного отвержения девочки; усиление защитного избегания.

3. Восприятие девочкой беременности психотерапевта как отвержения стимулировало: активный поиск места для себя, выражение экспансии, агрессии наряду с заботой и нежностью, идентификацию с будущим ребенком психотерапевта, попытку найти пространство для всех участников психотерапии – то есть способствовало ускорению процессов психического развития.

4. Изменение восприятия матерью своей дочери как более живой; расширение спектра эмоциональных состояний девочки, доступных для восприятия и эмоционального отклика матери; отказ матери от модели «аутизма» как объясняющей закономерность и неизбежность отвержения ею дочери, – это способствовало ослаблению аутистических черт и проявлений преждевременно развившегося «фальшивого Я» у девочки. Их место заняли инфантильные проявления, которые были подавлены матерью в раннем возрасте.

5. Усиление в матери поиска своего образа как «хорошей матери», происходящее на фоне колебаний и игры идентификаций (идентификация с инфантильной частью своего ребенка, идентификация с собой беременной, идентификация с собственной «плохой матерью»).

6. Открытое выражение и проработка негативного эмоционального опыта по отношению к другому члену диады (страха быть отверженной, брошенной – у ребенка, быть поглощенной дочерью – у матери);

переход от символического выражения своих чувств по отношению к матери у девочки к их прямому выражению в поведении.

7. Развитие репертуара поведения привязанности девочки по отношению к матери и другим близким взрослым (невербальный и речевой контакт, включение в репертуар активных негативных, протестных реакций, используемых для наказания матери или заменяющего ее человека). Восстановление ранних пропущенных этапов развития привязанности между матерью и дочерью. Возрастание активности дочери и матери по стимуляции поведения привязанности друг друга.

8. Развитие сети переходных объектов (разделенных между ребенком, матерью и психотерапевтом).

9. Высвобождение развития творческой игры у ребенка после проработки переходных состояний в игре (бытие – небытие, живое – неживое, внутри – снаружи).

10. Большая эмоциональная устойчивость дочери, сравнительно с матерью, в условиях усилившегося конфликта между эмоциональным сближением и отвержением (избеганием) в диаде.

В заключение хотелось бы отметить, что относительная эмоциональная устойчивость девочки к жестким депривующим и травмирующим условиям раннего развития позволяет думать, что девочка относится к категории «преждевременно рожденных» детей, которые могут ждать, когда их мама психологически созреет до материнства. Беременность психотерапевта не только усложняет процесс психотерапии, но и создает первоначальные, благоприятные условия для этого созревания, стимулируя идентификацию матери – с психотерапевтом, и девочки – с будущим ребенком психотерапевта.

ЛИТЕРАТУРА

Winnicott D.W. Home is where we start from. London, Penguin books. 1990.